

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

Хасин Владимир Викторович,

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский

государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

г. Саратов, Саратовская область

ЕЛЕЦКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-РЕМЕСЛЕННАЯ КОЛОНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: статья посвящена устройству и деятельности российского воспитательно-исправительного заведения для несовершеннолетних правонарушителей «Елецкая земледельческо-ремесленная колония», воспитании и обучении несовершеннолетних правонарушителей. Рассказывается об внешнем устройстве колонии, занятиях воспитанников, поощрительных и дисциплинарных мерах для воспитанников колонии.

Ключевые слова: Елецкая земледельческо-ремесленная колония, несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительное заведение, поощрения, дисциплинарные меры.

С созданием законодательства о несовершеннолетних правонарушителях в Российской империи началась организация и деятельность воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. В 1866 г. императором Александром II был подписан закон от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних». По данному закону в Российской империи стали открываться «приюты для нравственного исправле-

ния несовершеннолетних, отдаваемых туда по судебным приговорам, – призываю-
ются также земство, общество и духовные установления, равно как и частные
лица» [3, с. 352].

Одной из таких колоний, созданных в рамках закона, была Елецкая земле-
дельческая исправительная колония для несовершеннолетних преступников в го-
роде Елец. По отчетам с 1898 по 1900 гг. ежегодный состав воспитанников в ко-
лонии не превышал среднего числа 11 человек, а всего за этот «отчетный период
перебывало в колонии до 30 воспитанников» [2, с. 727].

Административный и «служительский» персонал состоял из директора и
«дядьки», «при чем, несмотря на ежегодные указания господина директора на
крайний недостаток в помощнике директора, исполняющем обязанности воспи-
тателя и учителя, и ежегодное на этот предмет ассигнование в 300 рублей, по-
мощника директора в настоящее время в колонии нет» [2, с. 727]. Скорее всего,
это было связано с тем, что деньги уходили на другие нужды.

«Дядьки», сторожа и кухарки менялись в течение года очень часто – через
один, два месяца службы. «Причина частых перемен низших служащих – непри-
годность к делу», заключает господин директор, а между тем «за неимением по-
мощника, директору приходится ограничиваться, для воспитательных целей, ча-
сто медвежьими услугами дядьки, а дядька это большое место не только нашей,
но чуть ли не всех колоний», поэтому «единственным проводником наших вос-
питательных приемов в среду воспитанников, мы довольствовались одним мало-
грамотным дядькой и неграмотным огородником» [2, с. 727].

Это отрицательное явление еще более становилось нетерпимым при постое-
янной жизни колонии, когда «директор ее, сознавая весьма важные недостатки
своих подчиненных служащих, тем не менее при таких то дядьках стремится к
«безусловному подчинению руководящему работами» (т. е. дядьками или сто-
рожу), к «почтительному отношению к старшим» и пр., хотя раньше и заявлял,
что «запасные нижние чины, идущие на эту службу (дядьками), в большинстве
случаев, по своему развитию уступают воспитанникам и потому не внушают им

никакого к себе доверия, а отсюда появляются и ослушания, и дерзости и т. п. непочтительности, в разбирательство которых должен вступаться директор, положение которого в таких случаях весьма неловко: с одной стороны нельзя унижить окончательно дядьку в глазах воспитанников, оставив без внимания его заявление, а с другой – ясно видно его неправоту, вследствие неумения обращаться с питомцами» [2, с. 727].

Конечно, приходилось применять и взыскания, и наказания. В отчете за 1898 г. сообщалось, что «воспитанник А-в был посажен в карцер на сутки «за оскорбление» дядьки. Вообще же при применении наказаний заметно злоупотреблением «карцером», которым «необходимо приходилось охлаждать пыл не в пору расхोлившихся страстей более выдающихся буянов», – даже до 3 суток» [2, с. 727 – 728].

Вследствие недостатка дисциплины, например, при 10 всего воспитанников колонии было 5 случаев побега и «кроме того, отмечается значительное число рецидивов по части курения, краж, лености и другим проступкам, сумма которых при малочисленности воспитанников колонии невольно бросается в глаза» [2, с. 728].

Учебная часть в Елецкой колонии также плохо удовлетворяла даже самым элементарным требованиям. В отчете за 1898 г. говорилось: «одним из существенно важных недостатков обучения воспитанников нашей колонии представляется отсутствие обучения ремеслам. Знание ремесла необходимо сельскому жителю, как подспорье, а городскому простолюдину, как единственный источник к существованию. Полезность и необходимость ремесленного обучения составляет вопрос давно решенный и применяется на практике во всех заведениях нашего типа» [2, с. 728].

«Обучение грамоте» также не давало каких-либо положительных результатов. «Да и каковы вообще то могли получиться успехи по школе, когда, например, в 1900 году на уроки было уделено всего 100 дней, «что составляет менее половины учебных дней нормальной жизни»; в течении целого года законоучитель

отец Горохов успел дать только 20 уроков по Закону Божию; вследствие хозяйственного неустройства этот «и без того короткий период учебного времени значительно сокращался особенно работами по добыванию отопления, которого не успели заготовить в достаточном количестве летом и осенью, в таких случаях дневных уроки отлагались на вечер, но эти вечерние занятия не были продуктивны, – уставшие физически за день, мальчики дремлют над книгами, беседа и объяснения не улегаются в головах, занятых одною мыслью об отдыхе... и результаты вечерних уроков сводятся к нулю» [2, с. 728].

Если же по делам службы директор покидал колонию, то «воспитанники занимались под присмотром дядьки, самостоятельно, но и от таких занятий не получалось желательных результатов». Следовательно, вся учебная часть сводится лишь к внешнему исполнению обязанности отсидеть два – три часа над книгой!» [2, с. 728].

Помимо уроков в школе зимой день проходил в чистке снега, «уходе за скотом и рубке дров – это с 6 до 8 часов утра и после обеда (в 12 часов) до 5 часов вечера! Летом, весной и осенью работали по садоводству, огородничеству и полеводству, при чем никакого специалиста по этим отраслям сельского хозяйства не полагалось, если кто-нибудь из доброхотных жертвователей, как например господин Заусайлов, не присылали своих людей (например, садовника) для руководства работами» [2, с. 728 – 729].

При Елецкой колонии существовало Общество для содействия колонии. Самым «неутомимым» жертвователем был А.Н. Заусайлов, «ежегодно жертвовавший более 300 рублей на нужды колонии и деньгами, и материалом, и продуктами. Кроме того, жертвователями были М.А., А.А. и С.А. Стаховичи, Д.Н. Ремер и др. Почетным попечителем колонии состоит г. Ремер. Вспоминая слова М.А. Стаховича, председателя правления Общества Елецкой Колонии, сказанные им летом нынешнего года на курсах для учителей школ Орловской губернии, нам хочется верить, что г. Стахович, как председатель вместе с тем и губернского училищного совета, обратить свое внимание на постанову учебного дела в

колонии и поможет своим просвещенных и авторитетным советом господину директору в таком многотрудном и ответственном деле, как исправление воспитания несовершеннолетних преступников» [2, с. 730].

Вероятно, Ф.Н. Малинин несколько сгустил краски повседневного существования Елецкой земледельческой колонии. В таком положении находились практически все колонии для несовершеннолетних правонарушителей Российской империи. Дело в том, что никак не могли найти баланс между зарабатыванием средств на существование и исправлением (вместе с обучением) несовершеннолетних правонарушителей. Юные, растущие организмы не выдерживали такой интенсивности жизни в колонии. Поэтому были часты нарушения дисциплины, проявления агрессии и непокорства и даже побег из колонии. Иногда это приводило к тяжелым последствиям и даже гибели воспитанников.

Поэтому можно полностью согласиться с мнением Д.В. Ливенцева, что перед нами «типичный случай, когда благое дело по перевоспитанию малолетних преступников при помощи земледельческого труда в конце XIX – начале XX вв. натолкнулось на неблагоприятную социальную ситуацию в обществе и даже крупные пожертвования от прогрессивно настроенных жителей города Ельца не смогли коренным образом изменить ход событий» [1, с. 9].

Список литературы

1. Ливенцев Д.В. Повседневная жизнь Елецкой земледельческой исправительной колонии для несовершеннолетних в конце XIX – начале XX вв. / Д.В. Ливенцев // Берегиня.777.Сова. – 2018. – №4. EDN SUXCDM
2. Малинин Ф.Н. Елецкая земледельческая колония для несовершеннолетних / Ф.Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1902. – №10.
3. Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников: Закон от 5.12.1866 // ПСЗ РИ. – Т. XLI. – Отд. II. – Док. №43949.